

- Андрей Лазарев -

**ИЛЛЮЗИЯ
НЕОДИНОЧЕСТВА**

Андрей Викторович Лазарев

Иллюзия неодинокчества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51571248

Иллюзия неодинокчества:

ISBN 978-5-00025-185-0

Аннотация

В повести «Интеграция» автор обращается к извечной теме самостояния – обретения человеком себя посредством поиска внутреннего «Я» перед лицом объективной реальности. Акцент повествования отсылает читателя к важности гармоничного сосуществования мира внутреннего с миром внешним вне зависимости от жизненных обстоятельств.

В рассказах, вошедших в сборник, автор, в свойственной ему манере бескомпромиссного реализма, поднимает темы карельской деревни, стоящей на пороге вымирания. Ряд произведений посвящен проблематике пагубного влияния человеческих пороков, зачастую ставящих литературного героя перед выбором либо не оставляя его.

Под понятием «иллюзия неодинокчества», как общим названием для произведений, вошедших в сборник, подразумевается очевидная необходимость размышления о себе, когда призма обыденного изымается из системы ценностей, оставляя читателя один на один с самим собой.

Содержание

Рецензия на книгу Андрея Лазарева «Иллюзия неодиночества»	5
Интеграция 1	9
Глава 1	9
Глава 2	36
Глава 3	55
Глава 4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Андрей Лазарев

Иллюзия неодинокчества

**Рецензия на книгу
Андрея Лазарева
«Иллюзия неодинокчества»**

Современный книжный мир – безбрежен. Нельзя сказать, что в нем есть все: возможно, чего-то мы в нем и не встретим. Однако этот мир книг оказывается в состоянии поместить и вместить в себя все что угодно: разные темы, разные жанры, разные сюжеты и еще много-много разного. И здесь трудно не потеряться.

Андрей Лазарев стремится говорить со своим потенциальным читателем о традиционных вещах, о которых уже сказано немало. Причем сказано авторитетными и получившими заслуженное признание людьми. Речь идет о добре и зле, свете и тьме, чистоте и грязи, прекрасном и безобразном. О противостоянии этих сил сказано, пожалуй, уже так много, что трудно всерьез сказать нечто новое.

В рассказах, помещенных в книгу, и в повести «Интеграция» автор берет на себя ответственность говорить именно об этом и стремится показать, как человек оказывается границей и местом противостояния таких сил. Делает он это обстоятельно и со знанием дела, как поживший и продумавший содержание своей жизни человек. И речь идет не о *happyend*-е и не о том, что всегда побеждает доброе, светлое и честное начало.

Автору удастся показать падение и погружение людей на самое дно, а точнее – раскрыть бездонность распада, связанного с тем, что темное начало, так же как и начало светлое, может захватывать и вбирать в себя всего человека.

Однако встает вопрос о том, на что может надеяться человек, погружаясь в бездонное, и может ли он при этом вообще на что-то надеяться. Вопросом остается и то, что остается человеку.

Андрей Лазарев показывает, как непросто происходит очеловечивание и внутреннее выпрямление человека, так же как показывает и то, что в процессе возврата к жизни, а точнее – к себе самому надеяться фактически не на что. Единственное, что остается, так это научиться самому выбирать из созданного тобой же положения и преодолевать себя. И здесь важнейшими координатами обратного пути становятся одиночество, поступок и светлые воспоминания человека о детстве и отрочестве.

Одиночество понимается как неременный и неотъемлемый момент обращения человека к себе и в свою сторону, в сравнении с которым все остальное раскрывает себя как фикция и иллюзия. Поступок становится моментом концентрации и переломной точкой совершающегося поворота. Воспоминания о наполненных светом детстве и юности связываются с осознанием, что они-то и были временем рая. Андрей Лазарев еще раз показывает, что рай всегда осознается нами в своей утрате: будучи в раю, мы не знаем об этом и, более того, стремимся вырасти и поскорей его покинуть. А когда понимаем это, осознавая и опознавая такие места и времена, дававшие нам силу и радость, в своих воспоминаниях как рай, то понимаем, что их мы уже утратили.

Хочется пожелать читателю проникнуть в авторский замысел, который, возможно, позволит понять в себе что-то важное и значимое. Хочется также пожелать автору новых идей и их воплощений в других текстах.

Сергеев Андрей Михайлович

доктор философских наук, профессор

*дай мне, Господи, сил на столетия.
дай мне смелости в один шаг
преступить ту черту, где в ответе я.
где я жил – черт те знаю как.*

*рви гармоника запропащая,
раздувайся мехами влет.
чтоб судьбина – кобыла лядащая
снуллой рыбою нас в перемет
не сложила, не продуванила —
целины непочатый край.
не законами, но по правилам
отмостить бы дорогу в рай.*

*а когда вдруг забудет, но вспомнится
то святое, что нес в груди —
сквозь распутицу да бессонницу
пуще прежнего сбереги.*

Интеграция ¹

Повесть

Глава 1

Остров

Колеса трамвая выдавливали грязно-ржавую жижу из колеи рельс. Меланхолические трамвайные звонки, казалось, с натугом разрывали свинцовую хмурь упавшей серой пелены, пробиваясь отголосками через вязкий и плотный туман.

Егор щелчком отстрелил смятый окурок в направлении урны. Не попал. Отскочив от стенки, хабарик срикошетил напрямик на лоснящуюся блеском брючину. Идущего скорым шагом крупного мужчины.

Не дожидаясь очевидного, Егор припустил через мостовую, осклизаясь на трамвайных путях стоптанными башмаками, обогнул пару черных джипов, окончательно разъехался ногами по брусчатке и крепко приложился головой об колодезный люк. С искрами из глаз. Как в сказке.

---

¹ Integration – процесс, с помощью которого части соединяются в целое; на личностном уровне – состояние организма, когда все составляющие элементы индивида, его черты или качества действуют согласованно, как единое целое.

Вздрогнув, Егорча очнулся из кошмара в явь. Над головой привычно нависал дощатый потолок с набитыми мхом пазами. Доска пятидесятка, уложена плотно. Поверх мха для пущего тепла слой мелкого песка сантиметров в двадцать.

Однако заметно повыветрило за ночь. Избушка старая, просела со временем. Вон и дверь уже шоркает об косяк, напоминает о себе.

Пора, пожалуй, и подтопить. Под утро самое то. Для сугреву.

В печи была хитрость. Специально сотворенная. Обычная плита с отсеком для готовки и духовкой. Духовка за давностью лет выгорела и служила добавочным коленом под тягу. Хитрость заключалась в том, что перед тем как запалить поленья в основной топке, следовало, приподняв кольца над духовкой, просунуть сверток бересты прямоком под трубу.

Только в том разе пламя, загудев, уходило из топки через духовку в самый низ печи, вырываясь искрами после в высоко выпущенную трубу над крышей.

Егорча привычно подпалил берестяной сверток, скоро подсунул его под трубу и тут же запалил лучиной расщепленный смоляк в топке. Уже через пять минут изба освещалась всполохами пламени из чуть приоткрытой дверцы, а завываниям ветра снаружи вторило уютное гудение печурки.

За окном рваными кусками стелился предрассветный туман, обволакивая склонившиеся книзу тяжелые еловые лапы.

Место было глухое. Из-за обилия поваленных штормовыми ветрами с озера вековых елей остров назывался «Медвежий» или «Кархусаари». «Кархушуари» на местном диалекте. На зиму под вывороченными корнями укладывались на спячку медведи. Отсюда и название. Одна, а то и две берлоги каждый год. Медведей били местные. Обычно в январе, феврале по озеру приезжали на буранах к заранее выведенным берлогам. Били с «калашей», вовремя выкупленных у ушлых прапоров с расформированной семь лет назад погранцовской части.

Весной, бывало, местные загоняли по насту лосей, наполняя лес треском буранов и отрывистыми хлопками карабинных выстрелов. Видимо, благодаря этим промыслам, да и тому, что места были глухие, дикие, наведывались по льду на остров и волки, привлеченные запахами свежей крови.

Егорча, убаюканный теплом, заново задремал. За окном слоились предутренние сумерки.

* * *

Очередной сон, невнятный, сквозь дрему. Егорча, в то время еще Егор Балазейкин, менеджер отдела оптовых продаж, нервничает, суетливо вертится в ожидании. С обратным откатом обычно всегда так. Сидишь, втихую высчитываешь

проценты, выходишь из офиса договариваться со снабженцем по мобиле. Потом обоснование демпинга, служебная записка в отдел безопасности и финансового контроля. Подписи, визы, накладные, расчетные листы. И долгожданный дележ обычно где-нибудь возле метро.

Новый заместитель начальника отдела копал под Егора давно. Так глупо попасться на отчетности. Кто же мог знать, что откатные схемы с недавних пор фиксировались в экселевском файле отдельно от всех менеджеров. Погорел Егор Балазейкин на банальной жадности, оборзев в снижении процентной наценки. И вот он, «ковер», после контрольного мониторинга переданных клиентов.

Начальник службы безопасности Тихомиров Павел Сергеевич. Замначальника отдела оптовых продаж Соболев Александр Сергеевич. Коммерческий директор Степунов Борис Федорович. Сидят в переговорной. Перед ними стоит Егор.

– Триста тысяч, Егор, возмещать будешь налогом, лично Павлу Сергеевичу под приходные ордера. Мы не звери, поэтому сроку тебе две недели. Трудовая пока у нас. По какой статье будешь уволен, решит генеральный.

– Я, Борис Федорович, это ошибка какая-то, правда. Они действительно всегда по бонусам работали, еще с прошлого года.

– Егор, они-то работали. Ты только уже десять минут не можешь нам объяснить, почему эти бонусы выросли в два раза за последние три месяца. Притом что объемы отгрузок

те же, контактные лица те же. А контрольный звонок начальнику отдела снабжения с подачи Александра Сергеевича выявил, что твои же клиенты и не подозревают об изменении схемы бонусирования. Нам это как понимать, Егор?

Руки липкие. И, кажется, совсем некуда их деть. Кровь шумно, осязаемыми толчками стучит в голове.

* * *

Егорча, вздрогнув, очнулся, смахнул со лба липкую паутину испарины. Откинул бушлат, неторопливо слез с нар. Поставил черный от копоти чайник на печь. Надо будет натаскать еще дров в избу под нары из-под навеса сегодня. Пусть сохнут. Дожди зачастили. Промозгло. Сыро.

Ночью опять приходила рысь. Егорча выглянул в запотевшее окно, протер рукавом мутное стекло. Так и есть, вон миска на чурочке у костровища. С вечера была полна щучьих костей, ныне пуста.

Наведывалась рысь примерно раз в неделю. Обходила избушку, запрыгивала на чердак и, мягко ступая, укладывалась в дальнем углу под настилом крыши. Егорча сушил там сети от дождя и, залезая, видел аккуратную цепочку следов. Наверно, стойкий запах рыбы от сетей и привлекал рысь. Судя по глубоко вдавленным отпечаткам, она была крупная. Егорча так ни разу и не видел ее, только слышал едва уловимые шорохи иногда ночью. Рысь его не боялась.

Егорча вышел наружу, зябко ежась, помочился за углом. Отчего-то постоял с минуту, прислонившись к замшелому срубу. Смотрел, как пенится, пузырится во мху конденсат его ночных кошмаров, стелясь понизу теплым паром.

Небо сквозь ели было отчетливо близким, нависало серой пеленой, давило беспросветностью.

Егорча вернулся в избу, плотно прикрыл за собой дверь. Чайник чуть слышно шумел на печке. Пора чифирять. Алюминиевую кружку черно-маслянистого чая брать можно только через рукав. Нагревается моментально. Заваривал Егорча прямо в чайнике, добавляя брусничного и черничного листа. Умостившись на деревянном скрипучем табурете, задумчиво потягивал, шумно прихлебывал, обжигаясь, через край. Вспоминал былое «чифирянье».

* * *

Бухал коммерческий отдел остервенело и ежедневно. Но с филигранной четкостью сохраняя тонкую грань между «осадком» и «прухой». Егор Балазейкин числился надежным ходоком и каждый день примерно в двенадцать совершал прогулку до ближайшего магазина за коньяком. Пили все. Несмотря на то, что внутренний контроль и распорядок подобного не предусматривали категорически.

Коллеги Егора, да и он сам, именовались специалистами. На самом деле все они оставались типичными менеджера-

ми, но в рамках иерархии имели большие привилегии, нежели офисные операционисты. Бухло для коммерческого отдела было сродни ежедневной дозе допинга. Вязь телефонных разговоров, превращающих их отдел в гудящий пчелиный улей с самого утра, требовала, как им казалось, соответствующего стимулирования.

В рамках отдела осуществлялось это по негласной внутренней солидарности посредством систематических возлияний. Стойкое амбре предусмотрительно сбивалось туалетной водой, помещение постоянно проветривалось. Готовность к внеплановым совещаниям поддерживалась наличием на столах специалистов остро-мятной жвачки.

У некоторых в ящиках столов хранились пакетики модного «спайса». На нем Егор и погорел.

Как правило, втихую потрошилась обычная сигарета на лист А4. Фильтр обрезается почти целиком, чтобы осталась тонкая формальная стенка. После три четверти зеленых ошметков «спайса» вперемешку с четвертью табака. По возможности максимально плотно утрамбовать. С опаской в туалете задуть в несколько глубоких затягов.

Вот после подобных манипуляций и был вызван Егор Балазейкин к генеральному на экстренное совещание. К тому времени в Егоре уже уютно покоились триста грамм коньяка и пара пол-литровых банок джин-тоники. Совещание было кратким и конструктивным. В ответ на невнятные попытки Егора сформулировать хоть что-то членораздельное и по

существо генеральный, Даниил Владимирович, лишь криво усмехнулся.

– Егор, вот только честно, пьяный?

– Есть немного, Даниил Владимирович.

– С чего так?

– Случайность, Даниил Владимирович.

– А что зеленый-то такой, Егор?

– Не знаю.

– Ладно. Достали вы меня уже. Завтра станешь показательным прецедентом.

Прецедент запомнился коллегам Егора надолго. И надолго отвратил коммерческий отдел от ежедневного желания балансировать «на грани». Вот только к Егору это уже не имело никакого отношения. В тот день Егор покинул офис с растерянной непонимающей улыбкой на лице.

* * *

Егорча тихо сам себе улыбнулся и отставил пустую кружку на край стола. Сперва выбрать сети. Пока сохнут, вычистить рыбу. После можно будет отнести нехитрую посуду на берег, отмыть песком. Кружка, миска с ложкой, котелок да маленькая сковородка с гнутой ручкой.

«К обеду, пожалуй, разговеемся» – думал Егорча, бредя чуть заметной тропкой к берегу, где была надежно укрыта в корневище вывороченной сосны его лодка.

Самое сложное по осени было выбирать сеть на том же ветре. Особливо, если он усиливался к утру. Ставить одному, как и снимать, Егорча приноровился. Даже если ветер сменялся, все равно аккуратно тянул легкую лодку за сетью, плавно, без рывков выбирая метр за метром. Да и ставил по хорошим местам, без коряг и ям.

Хуже было, если ветер тот же, а снимать следовало предельно быстро, пока не закрутило лодку поверху, сворачивая сеть в веревочный жгут. Пока пропустит, развернув, пару раз под днищем, потом часа три переворачиваешь, перекидываешь кольца с руки на руку, обходя вешала.

Разбирать сети время, по большому счету, было. Жаль только упущенных горбатых судаков и стремительных серебристых лососей, пока вместо того, чтоб аккуратно окутывать их мешком, приходилось попусту вертеться, выбирая скомканную сеть.

Егорча столкнул лодку, тихо, на веслах, пошел в проливы. Там и ставил сети, не более трех штук за раз, в укромных безветренных заливах. Мелочь шла на уху, крупняк на печено, либо на засол.

Вскоре встанет озеро тонким хрупким ноябрьским льдом. Это самое сложное время для Егорчи. Летом моторкой до ближайшей деревни полчаса ходу. Зимой на лыжах часа три по озеру. Осенью, пока вставал зимний лед, Егорча отсиживался на острове, потребляя запасы и промышляя охотой на отъевшихся за лето глухарей и рябчиков. Брать их можно

было только выдержкой и терпением, благо время позволяло.

Заветные высокие суки на соснах Егорча знал наперечет. Оставалось только сподобиться пролежать часов пять кряду недвижимо с ружьем наизготовку. Это тебе не весна, когда глухарь, токуя, ничего не слышит вокруг, кроме собственного забвенного клетота. По весне только ступай постепенно ближе и ближе, хоронясь за стволами, приноравливаясь промеж веток, ловить на мушку, сдерживать азартное дыхание.

* * *

Азарт сделки Егором Балазейкиным был на самом деле прочувствован в полной мере и по-настоящему. Это совсем не то, когда ты проворачиваешь миллионный контракт на радость своим работодателям. Тут иное.

Спустя некоторое время после увольнения за залет по откатам Егор совершил техничный подгон по своим старым завязкам. Он знал, кому передали его клиентскую базу. Знал схемы бонусирования и ответственных контактных лиц. От имени левого юрлица Егор технично склонил потенциального клиента на свою сторону, заведомо опустившись в откате на нереальные на рынке условия. Откат отдавать он не собирался.

Отгрузка, впрочем, прошла вполне официально, по фактурам все сходилось, все печати были проставлены. Полтора

миллиона рублей отката Егор обналичил через серую контору в свой карман за вычетом десяти полагающихся процентов, сменил номер телефона и думать забыл о возможных последствиях.

Последствия всплыли через пару месяцев, когда Егора вечером встретили у парадного хмуролицые субъекты, сославшись на данные некогда обязательства.

Когда Егора выписывали из больницы спустя полтора месяца, он ждал очередного визита «гостей», но обошлось. То ли у «обрящивших» появились более предметные интересы, то ли о нем попросту забыли. Егор не стал испытывать судьбу и, наскоро сложив в сумку приятные наощупь пухлые, тугие пачки дензнаков, отбыл в неотягощенные мирской суетой пространства.

Так он оказался на острове.

* * *

Остров горбатился плотной стеной темного елового леса. В заливе было спокойно. Легкая рябь чуть плескала в борта лодки.

Егорча медленно выбирал сеть. «Сороковка» по каменистой углубине обычно давала пять-шесть хороших сигов. Тяжелый сиг обычно лишь чуть впутается мягкими жабрами, нахватает ячею в пасть. Даже когда тащишь его в лодку, чаще висит безвольно. Это тебе не щука или судак, которые бу-

рунами вспенивают воду в отчаянном рывке. Их и чувствуешь заранее, только подтягивая сеть, которая сразу ощутимо дергается в руках.

Тщательно выпотрошенного и промытого в студеной воде сига Егорча обильно солил изнутри и сверху, укладывал слоями в деревянную небольшую кадушку. Такую засолку есть можно было уже спустя неделю, прямо так, сырой. Называется у местных «шилакка». Национальное карельское блюдо. Кадушку Егорча хранил надежно укрытой в специальной яме, в сенях, на холоде. Деревянную крышку сверху прикрывал тяжелым чурбаном от непрошенных гостей.

Однако день впереди. Размеренный в своем спокойствии, с чередой неторопливых обстоятельных дел. Егорча причалил, вынес сети на вешала. Затянул как следует, укрыл лодку. Изба стояла метрах в пятидесяти от берега, но густой ельник надежно укрывал ее от стороннего глаза. Не то что с озера, даже стоя на песчаном берегу ни за что не увидеть. Еле заметная тропка терялась в зарослях черничного куста, чуть уловимо стелилась, петляла между елей.

Улов обещал плотную уху на обед. Оставалось и на вечернюю жареху. Егорча вычистил рыбу, перебрал сети. Взял ружьишко, неспеша добрел на северную оконечность острова. Каменистый мыс полого уходил под воду, изогнувшись, подобно горбатой спине неведомого гада.

– Гад ты, Егор! Слышишь? Гад ползучий.

Егор устало вздохнул в сторону и посмотрел на Вику. У нее подрагивали губы и чуть дергался левый глаз. «Кто бы мог подумать, что такая истеричка», – мысли текли вяло и отвлеченно. Егору совершенно не нужны были эти запоздалые разговоры, но и какое-то внутреннее чувство того, что связывало их эти три месяца, не позволяло вот так просто развернуться и уйти.

– Почему было сразу не сказать, Егор? А?

– Тебе какая разница по большому счету, Вик? Я что-то обещал тебе разве с самого начала?

– Ты тварь, Егор. Я же верила тебе. Я к тебе привыкла, понимаешь ты это?

– Послушай, Вика. Наши с тобой отношения ни к чему ни одного из нас не обязывали. И по-моему, это было ясно с самого начала, не так ли? То, что в твоём представлении что-то со временем изменилось, не подразумевает моей вины. И я не хочу об этом говорить в таком ключе.

– Ты от меня скрыл, Егор. Скрыл то, что ты женат. – Вика как-то неожиданно успокоилась и взглянула на Егора с холодным отвращением. – Ты поступил как типичный ублюдок. И мне очень жаль оттого, что мне с тобой было действительно хорошо. И оттого, что я тебе по-настоящему, пони-

маешь, по-настоящему верила. И искренне верила в то, что у нас с тобой все получится.

– Думай, как знаешь. – Егору показалось, что утомительный ненужный ему разговор подошел к завершению. Он почти готов был развернуться и уйти из жизни Вики навсегда. Без последнего «прости».

Вика вытянула руки и изо всей силы толкнула Егора в грудь. От неожиданности Егор неуклюже завалился назад, взмахнув руками, а Вика ощутимо пнула его в голень, резко повернулась и пошла.

«Истеричка. Да и хрен с ней» – Егор потер саднящую ногу. «Развязался», – подумалось ему с облегчением. Нельзя сказать, что подобные ситуации заставляли его переживать. Возможно, минутный осадок, но не более. Эту толстокожесть Егор воспитывал в себе давно и вполне сознательно. Для легкого, как ему казалось, и рационального отношения к жизни.

В некоторой степени этому способствовала и специфика профессиональной деятельности Егора. Ежедневное телефонное общение с потенциальными клиентами, периодические срывы поставок, рекламации и прочие сопутствующие моменты трудовых будней среднестатистического менеджера отдела оптовых продаж подразумевали наличие определенной стрессоустойчивости. Которую Егор успешно делегировал и в сферу лично-интимной жизни.

Несмотря на ровный и внешне стабильный брак с Соней,

«права на лево», как говаривал Егор в мужском кругу коллег, у него никто не отнимал. Историй, подобных их с Викой краткосрочным отношениям, у Егора было немало. Особого смысла в них он не видел, но и не считал нужным отказываться от естественного развития событий.

Егор даже находил некое удовлетворение от выражения лица очередной своей жертвы в момент кульминации отношений. Отчего-то ему казалось, что все они одинаковы и напоминают рыбу, вытащенную на берег с вытаращенными глазами и хлопающую ртом.

* * *

Егорча аккуратно закидывал в котелок первую партию рыбы на тройную. Днем он кашеварил на костровище около избы, колотые дрова для печки следовало беречь, да и топить днем смысла не было.

Перво-наперво отваривал мелочевку для навара, сбрасывал рыбу в миску и складывал на второй круг пару-тройку крупных окуней. Хорошие куски судака, если попадался с утра, Егорча оставлял напоследок. Остальное жарил вечером уже на печи, в сковороде. Хотя позволял себе такое гурманство редко. Это для души скорее. Сидеть подле костра на корточках, помешивать в котелке подвязанной на оструганную палочку ложкой. Щуриться от дыма, всматриваясь слезящимися глазами, как нервно и жадно облизывают языки

пламени черные бока закопченного котелка.

Зимой для рыбного промысла оставались только само-ловки. Не имея ледоруба, оберегал их Егорча еще с ноября, поставив по темному осеннему льду и ежедневно откапывая и подрубая кромки полыньи всю зиму. За большую удачу считалось вытащить соплистого, склизкого налима с руку толщиной. В остальные дни бывало, приходилось и по неделе перебиваться крупами и тушенкой, что запасал Егорча загодя, совершая редкие походы в деревню. На это уходил обычно целый день, пока обернешься туда и обратно. Там же когда-то и было куплено старенькое ружьишко с моторкой у одного из местных дедков.

Егорча спустил рукав на ладонь и подхватил дужку котелка. Аккуратно и быстро сняв с поперечины, унес в избу. Как-то он подметил интересную особенность. Когда он готовил себе еду на острове, чувство голода, казалось, нарастало в процессе и достигало своего апогея как раз к тому моменту, как Егорча усаживался на скрипучий табурет в избушке с ложкой в руке. В то время как ранее, в их с Соней семейную бытность, все было наоборот, пока сварить, уже и есть как-то не особо хочется.

* * *

Соня ушла от Егора утром. Он так ничего и не понял поначалу. Осознание произошедшего приходило уже потом,

какими-то отрывочными картинками. А сам тот разговор казался Егору нелепым вычурным фарсом, словно и не имеющим к нему самому отношения.

– Егор, я ухожу от тебя, извини.

– Что Соня? Не понял.

– Я люблю другого, Егор. Я не могу с тобой жить.

– Как?

– Я долго не говорила тебе. Может, я и виновата в этом, но быть с тобой дальше у меня не получится. Я не требую от тебя ничего, но прошу только об одном – не препятствовать подаче документов на развод. Хорошо?

– Откуда, Сонь? Кто это? Как давно?

– Это моя первая любовь, Егор. Правда, прости, но так бывает. Мне не хотелось бы тебя травмировать подробностями. Давай постараемся оставить частности в стороне и решить все просто и быстро.

– Я не понимаю, Соня. Что не так?

– Все так, Егор. Просто так бывает. И возврата к «нам» не будет. Я совершенно другая уже. И не вижу причин скрывать это и делать друг друга несчастными. Я очень хочу, чтоб у тебя все было хорошо. Искренне тебе этого желаю.

– Сонь, это все, знаешь. Так не бывает. Как такое могло случиться, Соня?

– Егор, я тебя умоляю. Не надо сцен. Я все для себя решила и очень прошу тебя отнестись к этому с пониманием. Я собираю сегодня вещи и ухожу. Не надо меня провожать и

выслеживать. У меня будет другой номер телефона. Я подам документы на развод и после тебе позвоню, когда потребуются твоё участие. И пожалуйста, не спрашивай меня ни о чём. Так будет легче. И для тебя, и для меня.

Это было утро субботы. После того, как за Соней захлопнулась дверь, Егор просидел до темноты, уставившись невидящим взглядом в никуда. На столике в прихожей осталась лежать её связка ключей с детским брелоком в виде розового улыбающегося слоненка.

* * *

Розовый слоненок долго был одним из самых навязчивых ночных кошмаров. Вытягивая хобот, он тянулся к Егор-че, глумливо усмехался и беспрерывно пялился наглыми немигающими глазами. И все это происходило в будто бы осязаемой гнетущей тишине, которая, казалось, вливалась в уши тягучим вязким потоком. Егорча просыпался с беззвучным криком, раскидывал в стороны бушлат и старое ватное одеяло и некоторое время сидел на нарах, вслушиваясь в тишину.

А вокруг действительно была тишина. Егорча успокаивался, окидывал взглядом бревенчатые стены, останавливался на мутном пятне окна и укладывался заново. Эта непривычная по первости мертвецкая тишина словно проникала и в самого Егорчу, окутывая его защитной пеленой, вовлекая полноправной частицей в окружающее безмолвие.

Погода менялась с характерной для этих мест непредсказуемостью. Если вечер, бывало, утопал в невесомости абсолютного беззвучия, то наутро Егорча не раз просыпался под гудение ветра в кронах и шум прибоя, отчетливо доносившийся с побережья.

Егорча согревал нутро терпким крепким чаем и отправлялся на берег. Проверял вытащенную с вечера лодку. Покрытые белыми бурунами крутые волны остервенело штурмовали остров, разбиваясь белыми брызгами на мысах и раскатываясь белой шипящей полосой по пологому песчаному мелководью.

В такую погоду, ей-богу, славно было бы неспешно, со вкусом пить горькую, слушая уютное потрескивание сосновых поленьев в печи. Цеплять бы еще вдогон хрусткую квашеную капусту и сочно вгрызаться зубами в тугие малосольные.

* * *

После ухода Сони Егор пропил ровно месяц. Деньги, которые он занимал у всех подряд, Егор отдавать не собирался. Не было смысла дорожить хоть кем-то. И тем более дорожить собой. Все окружающее Егора слилось в размытую полосу пробегающего перед пьяным взором чужого холодного мира. Воспоминания тех дней рваными кусками вихрились в воспаленном сознании, никак не складываясь в мозаику хоть

какой-то хронологии.

Видимо, в один из таких дней Егор как раз и оказался на углу набережной Карповки и Петропавловской. Стылый осенний ветер выдувал остатки тепла, задирал полы незастывающейся куртки. Егора трясло с утра. У кого взять денег сегодня он еще не придумал.

Наблюдая за проезжающими трамваями, Егор докуривал последнюю из пачки и думал отчего-то, что он сродни этой жиже, выплескивающейся из рельс под колесами. Будто бы город выдавливал его из себя. Как ненужную ржавую грязь, хлюпающую брызгами.

К тому моменту, когда ему удалось выпасть из запоя в окружающую действительность, отношения с хозяйкой квартиры оказались безнадежно испорченными. Испитый, одутловатый Егор наскоро сменил квартиру на комнату в коммуналке, истратил последние деньги на переезд и холостяцкое обустройство и занялся поиском работы. Предыдущая, понятное дело, была бесповоротно утрачена. Егор не помнил, когда и как была заблокирована его симка, да и по большому счету был рад этому. За расчетом он не поехал.

Рентабельность ценообразования, тщательно им скрываемая в угоду своих серых схем работы с поставщиками и явно всплывшая на поверхность пред очи руководства за время его отсутствия, однозначно свидетельствовала бы не в пользу Егора.

Это в полной мере подтвердила случайная встреча с Вить-

кой Коротниковым. Витька работал в отделе комплектации, пересекались они с Егором по работе редко, но, как говорится, поддерживали ровные отношения.

– О, Егорыч, здорово, – Витька широко искренне улыбнулся и протянул руку.

– Здорово, Вить.

– Ты в курсе, что у нас по поводу тебя творится, не? Тебя служба безопасности разыскивает везде, где только можно. Телефон тебе оборвали. Труба отключена, по домашнему говорят типа «не проживает такой». Собирали все отделы у коммерческого, говорят, схемы вскрылись и недостачи.

– Да ладно, Витек, – вяло улыбнулся Егор. – Бывает. Спасибо, конечно.

– Наши-то тоже ничего о тебе не знают. Никто не в курсах, что ты, где ты. Но ты смотри.

– Ага, я смотрю. Ты сам-то как?

– Да все ровно, как обычно. Дела, текучка.

– Ты не говори никому из наших, Вить, что видел меня, ладно? Так уж на всякий случай.

– Да не вопрос, Егор. Мне-то фиолетово, по большому счету. Ты что сейчас, где?

– В свободном полете.

– Ясно. В семье-то нормально?

– Нормально. Ну, бывай Витек, удачи тебе.

– Давай.

Вспоминая долгими одинокими вечерами на острове всех тех, кто его раньше окружал, Егорча с удивлением отмечал, что не находит в своем сердце ни малейшего отклика, похожего на сожаление по утраченному. Вся эта людская толпа, проплывшая когда-то безликим смазанным потоком мимо, не оставила ни одной значимой зарубины в памяти Егорчи.

В то же время остров создавал вполне ощутимое состояние умиротворения и единения. Егорче казалось, что он полноправный компонент какого-то закрытого сообщества. Возможно, так представлялся ему его остров. Выхаживая побережья и пересекая лесистые взгорки, Егорча наполнился мыслью, что он здесь свой. На самом деле так, наверно, и было. Участие Егорчи в жизни острова протекало незаметным присутствием. Тонкие дымки сушняка над крышей избы вечерами, редкие выстрелы для пропитания, обсыпанная чешуей хвоя под вешалами.

Егорча заготавливал дрова. После сытного обеда время для плодотворного труда было самое то. Кряжистые смоляки Егорча выборочно валил в центре острова. Чурки шли на поленья для печи, порубленную мелочевку Егорча складировал под навес, используя после в костер для дневной готовки.

Самое сложное заключалось в транспортировке. Таскать дрова приходилось большей частью на себе. Егорча был даже

счастливы ощущать наутро приятную ломоту в натруженных плечах и руках. Ощущение пробегающих импульсов. Ощущение силы. Той, которой недоставало тогда.

* * *

Егор возвращался реально навеселе. Начали в офисе после шести с шампанского. По случаю дня рождения. После текилы, как положено. С солью с тыльной стороны ладони. Лимон. Виски, коньяк, водка, бальзам. Догнавшись пивом с попутного ларька, Егор неровным шагом двигался к метро, петляя кривыми подворотнями Петроградской стороны. За одним из углов его настиг «момент истины».

– Чувак, чо, закурить-то есть, а?

– Не вопрос, ребят. – Егор протянул раскрытую пачку.

Запомнил он только первый сокрушительный удар в нос. Потом, видимо, Егора долго пинали. Когда он очнулся, лежа около воняющей застарелой мочой стены, долго не мог подняться. С носа капало на рубашку, куртки не было. Карманы были пусты.

Пожалуй, несколько странно, но именно в тот самый момент, когда Егор стоял, шатаясь и придерживаясь рукой за стену, пытаясь остановить обильные, густые, бурые капли из разбитого носа, он вспомнил события десятилетней давности. В то лето Егор отдыхал у дальних родственников, в глухой деревне. Коротая вечера с местными девчонками и по-

лузабытыми друзьями детства, Егор упивался разными номерами отечественной «Балтики» вперемешку, не гнушаясь убойной и модной в то время «девяткой».

В один из таких вечеров, тусуя на заднем крыльце деревенского магазина с привычной компанией, Егор заметил одинокого «бича», копающегося в близлежащей помойке. Это был дед лет шестидесяти, аккуратно промышлявший по поселку сбором бутылок, бесхозного металлолома и прочей тrefухи. Основной капитал дед Евсей делал на зиму на летнем сборе ягод для финнов, но Егор об этом не знал. Бравируя столичным пренебрежением к так называемым отбросам общества, Егор запустил очередную пустую бутылку из-под пива с навесом в угрюмо согнутую спину «бича» Евсея.

Попал, однако же, в голову. Малолетки, с хмельным восторгом наблюдавшие за перформансом, тихо ахнули. Порожня бутылка, отскочив от головы деда Евсея, звякнула о камень и откатилась в сторону. Егор тихо, внутренне выдохнул и расправил поникшие было плечи. Евсей же истово перекрестился на затянутые осенними облаками небеса и, подхватив свою видавшие виды коляску, направился к группе молодежи, восседавшей на заднем крыльце магазина.

– Егор, ты что? – шептала ему полногрудая Настя. – Ты же убить его мог.

– Нормально все, Настен, – отмахнулся воспрявший Егор, открывая очередную пива.

Ему явно нравилось, что Настя считает его «своим», рев-

носно оберегая от прочих заигрываний со стороны возможных соперниц. Все медляки в сельском клубе для Егора были надежно забронированы Настей, которая явно умело манипулировала своими юными упругими прелестями и прозрачными полунамеками о готовности к «тому самому».

Тем временем Евсей подтянул свою двухколесную, набитую отребьем развалюху к кучке молодежи и, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил:

– Во как двинуло-то, ребят, а? Как с неба будто?

– Да уж, дед, – ответил Егор, паскудно ухмыляясь.

– Я-то думаю, как так можно ли, – продолжал Евсей.

– Тут, дед, дело такое. Не знаешь, где найдешь, как говорится, – сказал Егор.

– Неисповедимы пути Господни, – ответил дед Евсей и, ухватив крепче ручку тележки и сдвинув засаленный картуз на затылок, двинул мимо.

– Ну, Егор, – сказала Настя.

– Да чо нам, кабанам, – Егор игриво притянул подружку к себе.

Такой вот случай вспомнился Егору. И отчего-то ему было действительно жалко одинокого деда Евсея именно сейчас, а не тогда.

* * *

Егорча не тяготился своей одинокостью. Даже скорее со-

знательно избегал нечастых встреч с местными. Летом бывали еще залетные туристы. И наши, и финны-байдарочники. Ставили свои палаточные бивуаки, жгли яркие ночные костры.

Егорча, бывало, наблюдал за ними из укромных, хорошо известных ему мест. Ловил обрывки разговоров, жадно хватал взглядом обнаженные фрагменты тел редких туристов. Осторожно отгонял прилипчивую мошкару, щурился сквозь густую листву.

После того, как уезжали непрошеные гости, Егорча внимательно осматривал место стоянки. Тщательно закапывал неубранные остатки мусора, брезгливо посматривал в сторону импровизированных ям-туалетов.

Управившись ближе к вечеру с очередной сухостоиной, Егорча счел, что на сегодня с дровами достаточно. Подхватил в снях белое пластиковое ведро на десять литров, неспешно отправился на берег за водой.

Озеро хмурилось, вечерая. Средней силы волна окатывала прибрежную гальку, пенясь и пришептывая. Дальние берега уже скрывались в предвечерних сумерках, и оттого остров казался Егорче еще более замкнутым обособленным миром, приютившим его и укрывшим от мира другого, внешнего и чужого.

Егорча зашел в воду, уберегаясь набрать в сапоги через край, наскоро разогнал прибрежную муть, зачерпнул. Песчинок, что поднимаются волной со дна, не избежать, но это

ладно. В ведре осядут. Ощутимо задувало. Воротник хлестал по щеке с подветренной стороны.

Отчего-то подумалось, что он сам, вроде такой песчинки, был кидаем волнами из стороны в сторону, пока не осел на своем тихом уютном дне, укрывшись от мирских непогод.

Егорча постоял еще чуток на берегу, повернулся и скрылся в густом подлеске прибрежья.

Глава 2

Леший

Прошло два года размеренной жизни Егорчи на острове после того, как он волею судеб оказался выброшенным из привычного городского окружения. Скорее, привычной уже стала жизнь нынешняя. Неторопливый быт отшельника со временем был отлажен Егорчей до сезонности. Пробами и ошибками, но Егорча уже знал, когда уделить время заготовке припасов на зиму, а когда, наоборот, лучше отсиживаться возле печи, пережидая суровые непогоды. Летом Егорча валил сушняк, запасая дрова на долгую зиму, осенью промысловил сетями рыбу.

Городские воспоминания по-прежнему врываются во снах, но уже реже и не так болезненно, как поначалу. Уже не приходилось по нескольку раз за ночь просыпаться с криком в холодном поту, упираясь взглядом в низкий дощатый потолок. Хотя Егорча до сих пор помнил первые полгода жизни на острове, когда каждая ночь сквозь тревожный отрывистый сон обволакивалась липким ужасом кошмаров. Уже всего было не от потерь, повторяющихся во снах. Больнее было от собственных ощущений, заново возвращающихся ситуаций.

В тот вечер генеральный директор, пребывая в благодушном расположении духа, сделал Егору неожиданный презент.

– Ты у нас, Егор, все больше и больше по встречам ездешь разного уровня. Я тут подумал, что представительский портфель тебе как раз и не помешает. Вот держи-ка. Это настоящий «Монблан». С таким не стыдно в любую дверь, что называется, зайти.

– Ох, спасибо, Даниил Владимирович. Действительно шикарная вещь.

– Вот-вот. Тут места как раз и для бумаг, и для ноута.

– Да. Спасибо вам, Даниил Владимирович.

– На здоровье, Егор. Владей и добивайся новых успехов на благо компании.

Вечером Егор действительно отправился домой с ноутбуком в портфеле. Имело смысл подбить отчетность к итоговому ежегодному совещанию, а для этого требовалось перелопатить, что называется, кучу цифр. В метро, несмотря на поздний час, былолюдно, и Егор привычно притулился возле скамейки у самых дверей. Через две станции в вагон ввалилась шумная разномастная компания. И, конечно, нетрезвая. Егор, как правило, старался избегать такого соседства, однако демонстративно переходить на другое место в этот

раз отчего-то не решился.

Кроме трех девчонок лет семнадцати в этой команде, как ни странно, оказались несколько молодых людей, которых никоим образом нельзя было отнести к одной компании. Среди них присутствовала пара представителей типичного дворового быдла в спортивных костюмах с бритыми головами и явный мажор рэперского пошива, в неизменных широких штанах и кепке с длинным козырьком.

За шумом электрички Егор так и не уловил, отчего и когда беседа его попутчиков переросла в явно агрессивную, однако события развивались стремительно. Прямо перед носом у Егора. Один из представителей «гопоты» прямо посередине перегона казалось бы ни с того ни с сего нанес несколько молниеносных ударов в лицо рэперу в кепке.

Никто из рядом стоящих пассажиров даже не успел как-то среагировать. А скорее, и не особо стремился. Кровь с разбитого носа тут же, еще во время серии последующих ударов, брызнула на белую рэперовскую толстовку и на «Монблан». Егор, очнувшись от легкой задумчивости, предпринял поспешную попытку ретироваться и тут же получил увесистым ботинком в зад.

– Ты-то куда, лошара? – кричало вслед разбушевавшееся быдло. – Быстро сюда, ссыкло, ща тоже выхватишь.

Егор, не оглядываясь, протиснулся между двумя дородными гражданками, полнясь надеждой, что они своими телесами хоть на время задержат преследователя, дав Егору

выскочить на следующей станции. Тем временем остальные участники этой компании кое-как ухватили разбушевавшегося товарища за одежду, не дав ему отоварить еще кого-нибудь, кто попадетса под руку. Рэпер в кепке непонимающе стоял у вагонных дверей, склонив голову и капая крупными алыми каплями прямо на пол.

Компания вышла на следующей станции. Егор подавленно стоял остаток пути среди пассажиров и старался незаметно оттереть след от ботинка у себя на брюках. И кровь на портфеле. Глаз он не поднимал. Ему было стыдно за себя.

* * *

Раз в год Егорче приходилось основательно править избушку. В свое время подсказал ему ее тот самый дед, у которого Егорча после побега из города приобрел самое необходимое для своей жизни на острове, включая моторку, снасти и ружье.

– Смотри, парень. Дело твое, дело молодое, – сказал Егорче дед тогда, в первый раз. – У каждого в жизни бывает, что бросить все хочется. Мне-то неведомо от кого и от чего ты бежишь. Заимку побереги уж, присмотри. Я по возрасту давно тудой не езжу, хотя места вокруг на рыбу знатные. Вроде все тебе рассказал, что по первости потребоваться может.

Спустя зиму Егорча латал крышу, а через год с велики-

ми трудами выправил заметно осевший угол. Одному управляться было тяжело. С местными Егорча хоть и сталкивался, но держался особняком.

Редкая необходимость заключалась в том, что следовало все же покупать за деньги. Нехитрая одежда, мыло, боеприпас с топливом, соль, спички и прочая необходимая в быту мелочевка. Часть денег, увезенных из города, была припрятана прямо на острове. Оставалось еще прилично, где-то миллион сто с копейками.

Последний год Егорче помогал при оказии Пахом, мужик лет пятидесяти пяти, еще достаточно крепкий. Он время от времени промышлял охотой на медведя либо промыслом лосося и потому навевывался на острова частенько, когда моторкой, когда «бураном», в зависимости от времени года. Встречались они примерно раз в два месяца, хотя бывало и реже.

Последний раз Пахом пришел на новом моторе с деревни недели с полторы назад, привез чаю и патронов к ружью. Пахом частенько привозил кучу полезной мелочи, бывало, Егорча брал что-либо, бывало, отказывался. В любом случае обмен был справедливый, расплачивался он деньгами из своих запасов.

– Здорова, Егорча! Гля, какой агрегат я прикупил!

– Здоров, Пахом. Сколько лошадок?

– Пятьдесят, вот ей-богу. Да для моторки моей самое то, Егорча.

– Согласен, Пахом. Привез?

– Все путь путем. Папиросы, патронов. Водки взял. Водку будешь, Егорча? – Пахом расплылся лицом в морщинистой улыбке и подмигнул сразу два раза подряд.

– Спасибо, Пахом. Ты же знаешь, от этого и бежал. Не употребляю я.

– Да знаю, знаю. Чаем-то угостишь?

– Конечно. Пойдем до избы.

К вечеру запалили костер. Пахом размеренно пригубил от поллитры, Егорча поддерживал ровное бездымное пламя, подворачивая поленья, и слушал Пахома. Плотно поужинали, сварив привезенной им тушенки с картошкой. Особо жаден был Егорча до свежего хлеба.

Ближе к ночи Пахом засобирился до своей заимки.

– Ты смотри, паря. Тут недавно Лешего опять видели в лесах. На острова он вряд ли попадет, но ты, коль зверем промышляешь по осени на материке, будь осторожен все же.

– Добро, Пахом. Поберегусь.

Вместе вышли на берег. Было темно. Озеро лениво плескалось о прибрежные камни. Пахом сноровисто столкнул свою лодку в воду, широко шагнул два раза по мелководу и привычно, не черпнув голенищем, запрыгнул на нос. Поднял руку в прощальном жесте.

– Лешего уберегись все-таки, Егорча. Опасен он, говорят.

– Счастливо, Пахом. Спасибо тебе.

Про Лешего Егорче стало известно еще в прошлом году.

Неизвестно с чего у мужика так поехала крыша, вроде и водку он пил не больше и не меньше других. Звали его Женька, женат не был ни разу, так и жил бобылем к своим сорока годам. В одну из ночей пробрался Женька в сельскую школу. За неимением особых ценностей сторожихой там была представлена бабка Лукерья, которую он и искромсал за ночь топором в мелкое крошево, после чего скрылся в лесах.

Поймать сразу Женьку так и не смогли, вот он и появлялся время от времени, промышляя воровством и разбоем. Неизвестно, как и где он выживал и добывал пропитание. Те, что случайно видели его, хоть и издалека, говорили, что зрелище было отвратным. Заросшее дикое существо, потерявшее человеческий облик. Отсюда и пошло со временем Леший да Леший. В розыске он, понятное дело, у милиции числился, да где там его искать свистать по лесам, коль на всю округу в восемьдесят километров всего один участковый. Который и то две недели из каждого месяца в исправном запое.

* * *

Егор долгое время помнил, как он первый раз ушел в конкретный запой. Было это еще во время бурной студенческой юности. На третьем курсе Егор по причине неуспеваемости вынужден был отправиться не без помощи родителей в формально оформленный академический отпуск благодаря человечности и взяточничеству декана.

Проработав от безделья три месяца на заводе, Егор в одну из солнечных пятниц возвращался со смены домой. С весомой получкой во внутреннем кармане куртки. Путь лежал мимо общаги, куда он и завернул пропустить с пацанами по пивку. Пропускали три дня подряд. На четвертый день Егор проснулся в постели у Майи. Без получки. Майя была с Ладенпохьи и училась курсом младше Егора.

– Майка, сколько времени? – спросил Егор, с трудом открыв глаза.

– Одиннадцать, Егор.

– Черт, мне ж на работу. Сегодня что, понедельник уже?

– Вторник, Егор.

– Да ты что? Черт, меня же уволят. Я родителям хоть звонил?

– Звонил, звонил. Ты тут что только не делал за эти дни. Мы тебя уже от вахтерш прятали потом, начиная с воскресенья, когда ты три бутылки водки разбил прямо в пакете на первом этаже.

– Беда, Майка. Ни черта не помню. Что на работе-то говорить?

– Скажешь, что заболел.

– Ты это, Май. Все, что было между нами тут, это случайно, что ли. Ты не в обиде? Все нормально?

С завода Егора все-таки уволили. Расчет был поводом для следующего загула. Майя с ним больше не разговаривала.

Дезертиров Егорча обнаружил в конце сентября, под Банной горой. Это место было на материке, недалеко от острова. По осени Егорча часто делал вылазки на материк в надежде подстрелить чего-нибудь покрупнее из дичи. Укладывал в лодку пару плотных мешков и топор. На гребях пересекал проливы, экономя топливо, прятал моторку в укромной загубине. Зарядив оба ствола, сторожко направлялся от побережья вглубь леса, не спеша поднимаясь по пологому склону к Банной горе. Удачей выпадал сохатый. Правда, удача такая была редка. Мясо Егорча коптил на костре за несколько дней и убирал в кадушках в схрон, вырытый загодя подле избушки.

В тот день Егорча несколько раз натыкался на свежие лосиные следы, но, идя от озера, оказывался постоянно с наветренной стороны, а в таком случае подобраться на выстрел становилось невозможно.

В распадке, под раскидистыми лапами угрюмой ели и обнаружил Егорча двух мертвяков в камуфляже. Пограницы. Прележали они, судя по виду, недолго. По возрасту обычные срочники, ну, может, после первого года службы. «Странно», – подумал Егорча. На самострел не похоже. И тем не менее мертвяки валялись, раскинувшись в стороны друг от друга, словно пальнули разом в упор.

Автоматы валялись тут же подле. У первого бойца, видимо, выпав из рук сразу после выстрела. Второй же сжимал рукоять, так и держа палец на спусковом крючке. Первым делом Егорча аккуратно отложил в сторону оружие. Второй автомат пришлось вытаскивать из сжатых намертво пальцев с помощью ножа.

Прикоснуться к белой коже мертвеца Егорча не решился. Едва касаясь, брезгливо проверил карманы. Документов не было. Засаленные «стольники», пара мятых пачек сигарет, зажигалки. В пакете, тут же под елью, Егорча обнаружил заплесневелый хлеб, три банки армейской тушенки с госзапаса в жестяных банках и без этикеток. Отчего-то постоял с минуту, думая о матерях этих парней. Хоронить не стал. Взвалил на плечо два «АКМа», пошел, не оглядываясь.

Вернулся Егорча на то же место спустя день, с лопатой и топором. Вырубал ягель с дерном тут же неподалеку, долго копал старенькой лопатой неподатливую землю. Осилит часа за три неровную яму с полметра глубиной. Осторожно, ухватившись за «берцы», перетащил туда покойников, наспех закидывал землей. После нарубил с близстоящих елей густого лапника, накидал поверх ямы. Больше в то место Егорча не возвращался, стараясь обходить его заведомо стороной, если случалось проходить мимо Банной горы.

Автоматы были большой удачей. Старенькая двустволка уже давно едва на ладан дышала, а тут такое богатство. Егорча после вечером пересчитал в избе боезапас, прихлебывая

крепкий чай из горячей кружки. Оба магазина были почти полнехоньки, всего без нескольких выстрелов. Егорча как смог вычистил автоматы, досконально разбирать не решился по незнанию. Один схоронил на чердаке в мешке под слоем песка, что был отсыпан поверх дощатого потолка. Как раз супротив того угла, в котором была зарыта часть городских денег. Со второго сделал пробный выстрел. Автомат был пристрелян, и Егорча остался очень доволен случайными приобретениями.

* * *

Это была какая-то эйфория. Во-первых, Егору одобрили кредитную карту банка «Русский Стандарт». На пятьдесят тысяч. Во-вторых, он купил пневматику. В магазине на «Горьковской». Сразу после частичного обнала карты. Точная копия пистолета «Макаров». Баллоны с газом. Шарики. Как гасить кредит с чудовищными процентами, думать не хотелось. Да и было недосуг. Егор сидел на балконе своего второго этажа и не спеша напивался пивом. Вечер пятницы, впереди выходные.

Тем временем внизу, на детской площадке пили бомжи. Двое мужчин и трое женщин. Хотя женщинами их назвать уже было затруднительно. Егор пропустил момент конфликта и выглянул из-за оградки балкона только после истошных криков «прекрасных дам». Бомжи ожесточенно дра-

лись. Егор зарядил «макара», тщательно прицелился и выстрелил. Он успел пальнуть еще несколько раз, пока бичье не сообразило, что их расстреливают. И, прекратив потасовку, стало оглядываться по окнам и балконам близстоящих домов. Егор подсматривал за ними сквозь оградку, сжимая в потной ладони свой «макар». Он был пьян и счастлив.

* * *

Оставались последние дни осени перед ледоставом. Егорча каждый день отправлялся на материк. Проливами на моторке старался пройти с самого утра. Волна уже была по-осеннему крутобокой и, бывало, к полудню разгонялась на ветру даже в проливах. Брал с собой один из автоматов, небольшой запас еды и почти весь день проводил в поисках добычи. Егорча старался ежедневно менять направления маршрута, когда удалялся от берега вглубь лесов.

Ориентироваться приходилось большей частью на ветер, который в последнее время все чаще уверенно поворачивал на северный и дул не останавливаясь. За последние пару недель Егорча исколесил уже, казалось, округу вдоль и поперек, однако на сохатого в этом году по осени особой удачи не было. Не попадались.

Вскоре, как начнет схватывать озеро первой тонкой наледью вдоль берегов, придется прекращать вылазки на месяц, а то и на полтора, пока не встанет лед. Вытащить и укрыть

надежно на зиму лодку, перевернув кверху дном в густом прибрежном ельнике от лишних глаз. Перебрать напоследок сети, кольцо к кольцу, и тоже законсервировать до следующей весны. Дел хватит, скучать не придется. Особенно если взяться за дрова, которых сколько ни коли, а лишний запас никогда не помешает.

Обычно летом Егорча на близлежащих островах выбирал и валил выборочно хорошие смолистые сухостои. Благо сосны в этих местах было достаточно. В ход шел весь ствол, начиная от веток в костровище на дневную готовку летом и заканчивая необхватными чурками, которые предстояло переколоть поленьями на зиму.

Егорча старался всегда поддерживать приличный запас колотых дров. Хранил под небольшим навесом возле избушки, складывал по завалинкам, благо выпуск крыши был с запасом, чтобы уберечь бревенчатый сруб, проложенный мхом, от частых осенних дождей. В самой избе тоже было удобно хранить поленья под нарами.

Листва уже почти облетела, и Егорча старался во время вылазок на материк углубляться в дремучие ельники. Там было больше шансов остаться незамеченным, несмотря на то, что обзора явно не хватало. Егорча часто останавливался и подолгу стоял неподвижно, вслушиваясь в шум крон над головой и пытаясь уловить сторонние звуки.

В один из таких дней все начиналось как обычно. С вечера накануне ничего не предвещало затяжного дождя. Егорча

привычно соскочил с нар с первыми лучами солнца. Наскоро закипятил котелок на костре, быстро отчаевничал и отправился на материк. Ветер, хоть и северный, был умеренный.

Пройдя проливами на моторке, Егорча направился чуть севернее Банной горы. Там пологими подножьями уходили вглубь густые ельники, изредка перемежавшиеся светлыми березовыми рощами и сосновыми борами на взгорках. Привычно скрадывая шаги в бесшумной поступи, Егорча не спеша уходил все дальше и дальше, то ступая по ровному ковру из ягеля, то путая ноги по колено в зарослях черничного куста. Неразлучный автомат висел на плече, стволом вперед, наизготовку.

Наткнувшись через полчаса ходьбы на свежий лосиный помет, Егорча надолго замер, вслушиваясь. По следам определил направление и, крадучись, медленно двинулся по следам. Копыта оставляли глубокие вмятины во мху, цепочка их уходила вперед, и Егорча изо всех сил напрягал зрение, всматриваясь в чашу.

Ему повезло, что лось он заприметил, находясь на гребне склона и оставаясь с наветренной стороны. Лось неторопливо шел вниз по распадку, останавливаясь и цепляя время от времени что-то с земли.

Егорча, разом замерев, не дыша, медленно взвел затвор. До лось было примерно метров шестьдесят, медлить было нельзя ни минуты. Егорча выждал момент, когда лось повернулся к нему широким боком, бесшумно выдохнул и выпу-

стил один за другим три одиночных, целясь сохатому в голову. Лось взметнулся на дыбы и, мотая головой, завалился на правый бок. Егорча, пока до сих пор не веря своей удаче, выпустил вдогонку еще пяток пуль и бросился вниз по распадку.

Попадание было идеальным. Когда Егорча подбегал к сохатому, тот уже конвульсивно дергался, находясь в предсмертной агонии. Подойдя ближе, Егорча прицельно добил лося в голову еще парой выстрелов. Присел тут же, под близстоящей сосной, привалился обессиленно головой к шершавому стволу. Посидеть, успокоить неровное сбивчивое дыхание. Лось был крупным. Уже лежал недвижно, зарывшись мордой в ягель.

С этого момента начиналось самое сложное. Егорча бегом вернулся обратно к лодке, подхватил топор и два мешка. Предстояло разделать тушу и перетаскать мясо в лодку. И чтобы успеть засветло, пока день. Темнеет по осени быстро и разом.

Несмотря на то, что хищников в лесах хватало, Егорча предпочитал все же на следующий день вернуться и закопать наскоро кости и требуху, чтобы не оставлять лишних следов и не привлекать ненужного ему внимания. После уже дело было за малым. Закоптить мясо на костре и уложить на зиму в укромный схрон.

Обратный путь от лодки Егорча преодолел быстро, почти бегом. Поднявшись на гребень склона, он буквально рух-

нул на землю, сдерживая шумное дыхание. Внизу, возле подстреленного лося, стоял человек и, осторожно осматриваясь вокруг, как раз смотрел в сторону Егорчи.

Шумно стучало сердце, кровь тугими толчками била в виски. Егорче казалось, что его дыхание было отчетливо слышно даже там, внизу. Осторожно, еле двигаясь, он переполз под укрытие ствола ближайшей сосны. Чуть приподнявшись, с опаской глянул вниз.

Незванный пришелец уже обернулся к подстреленному Егорчей сохатому и исполнял какие-то странные скачки и подпрыгивания вокруг. В правой руке у него было одноствольное охотничье ружье с перемотанными синей изоляцией прикладом и цевьем. В левой руке он сжимал длинный нож лезвием вниз. Егорчу смутило другое. Одежда и волосы.

У странно танцующего внизу мужчины была копна давно не мытых длинных волос, которые были собраны пучками и перевязаны разноцветными тряпками. Одежда его тоже состояла из набора каких-то невнятных лохмотьев. Поверх стеганой фуфайки песочного цвета были навешаны какие-то веревки с повязанным тряпьем. Сколько ни всматривался Егорча сверху, практическое предназначение всех этих тряпок и лохмотьев на незнакомце осталось для него непонятным.

Тем временем пришелец отбросил в сторону ружье и принялся бросаться на поверженного лося с ножом. Выкрикивая что-то нечленораздельное, он падал на тушу плашмя и

втыкал нож в бочину и брюхо. Егорча решил, что на этом терпеть спектакль достаточно.

В конце концов, внизу если не местный, то попросту какой-то сумасшедший, но уж явно не охотовед и не лесничий. Откуда взяться здесь сумасшедшему он не знал, но сейчас Егорчу больше заботила сохранность его добычи. Высунувшись из-за ствола, он набрал в легкие побольше воздуха и, постаравшись придать голосу как можно больше грубости и агрессии, крикнул: «Эй, что творишь? Это мой лось!».

Незнакомец вздрогнул, молниеносно метнулся к лежащему подле ружью. Взвел курок и безошибочно выстрелил в сторону Егорчи, хотя даже не видел, где конкретно он залег.

– Женькино мясо! Женька я! Все Женькино! Лес Женькин! – кричал он, торопливо перезаряжая ружье.

Егорче вспомнился недавний разговор с Пахомом, и он, аккуратно выглядывая из-за ствола, снял автомат с предохранителя. Все складывалось к тому, что внизу действительно был Леший. И имя совпадало, и предупреждение Пахома о том, что Лешего снова встречали в окрестностях.

Тем временем Леший, перезарядив свое ружье, бросился зигзагами вверх по склону, прямо к Егорче.

– Слышь! А ну стой! Стрелять буду! – выкрикнул Егорча из-за дерева, и тотчас жакан из ружья Лешего пропел над головой, отщипнув от ствола кусок коры.

– Женькино! Женька я! Женькино все! Женька! – кричал Леший. Он необычайно быстро в стремительном прыжке

укрылся после выстрела за камнем и, судя по доносившимся оттуда звукам, в очередной раз перезаряжал ружье.

– Стой, тебе говорят, придурок! – крикнул Егорча и сделал предупредительный в воздух.

Леший выскочил из укрытия. Рыча и сверкая бешеными глазами, он замысловатыми прыжками в разные стороны неумолимо двигался прямо на Егорчу. Еще один предупредительный. Уже в сторону Лешего. Расстояние сокращалось.

Егорча перевел автомат на огонь очередями. Еще немного и Леший достигнет гребня склона и попросту застрелит его в упор. Впоследствии он вспоминал этот момент и удивлялся, как много пронеслось в его голове мыслей за эти несколько мгновений.

Когда Лешему оставалось не более десяти метров, Егорча выставил автомат из-за дерева и выпустил одну-единственную очередь в приближающийся силуэт. Автомат с непривычки задрало стволом вверх, но первые пули все же достигли своей цели.

Леший, взревев, согнулся пополам и, сделав по инерции пару шагов, упал лицом вниз. Выстрелить в ответ он не успел, хотя находился уже в опасной близости.

Егорча долго лежал с автоматом в руках, пытаясь унять противную мелкую дрожь. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем он поднялся и подошел к только что убитому им человеку. От Лешего нестерпимо воняло застарелой мочой, нестираной одеждой и псиной. Если это, конеч-

но, был действительно он.

Ветер усиливался. По небу мчались белые облака. Совсем скоро затянет озеро первым хрупким льдом, отрезав Егорчу на острове от внешнего мира. Оно и к лучшему. К весне следующего года местные все чаще стали именовать остров Егорчиным.

Глава 3

Пришлый

Егорча шаманил. Сидел на самой дальней от избы островной косе. Каменная гряда уходила полого в воду, выгибаясь чуть влево, словно гигантский хвост доисторического зверя. Вечер был безветренным, озеро зеркальной гладью лежало подле ног, простиралось вдаль. Чуть левее горбатился темным холмом сумрачных елей Эхо-остров.

От него будто тянуло постоянно ощущением промозглой сырости и неясного по своему происхождению холода. Даже при жаркой летней погоде. Егорча знал место на своем острове, с которого следовало кричать слова. Если при этом обернуться в сторону Эхо-острова, то причудливым эхом обратно возвращались даже длинные фразы, порой чуть искажаясь в конце. Поначалу это было особенно жутко.

Подле Егорчи на плоском камне курился дымком костерок из можжевелевого лапника.

Скрестив ноги и чуть раскачиваясь, Егорча словно парил над гладью озера, уносясь мысленно в далекие воспоминания из своего прежнего прошлого, когда он еще был Егором Балазейкиным. Постепенно стирались из памяти многие моменты тех лет, что столько времени мучили Егорчу кошмарами. Особенно долгими зимними ночами сквозь тревожный сон под треск поленьев в печи.

Лешего прошлой осенью Егорча все же похоронил. Нашел в себе силы вернуться на то место на следующий день. Сперва разделал и вывез сохатого, после долго копал яму возле покойника. Превозмогая тошноту и отвращение, спихнул Лешего палкой, наскоро закидал землей и больше в то место не возвращался. Старался обходить стороной даже ближайшие окрестности, выбираясь зимой на лыжах вглубь материка для охоты.

Егорча рассказал после Пахому про этот случай, указал даже примерное место, где закопал Лешего. Пахом задумчиво кивал головой.

– Это ты молодец, паря. Справедливость, можно сказать, восстановил что ли.

– Страшно, Пахом. Спать не мог потом неделю почти. Боялся чего-то.

– Ну а ты как думал, Егорча. Это тебе не по дичи дробью садить.

– Ага.

В тот вечер они долго сидели с Пахомом в избушке за столом. Стоял морозный декабрь, самое преддверие Нового года, и Пахом привез с собой водки. Выпивали далеко за полночь. Пахом пришел на «буране», разведать насчет берлог. На следующий день пошли на лыжах, и Егорча указал ему по своим приметкам пару на близлежащих островах.

Как раз ближе к весне и задрал Пахома шатун. Мужики после рассказали Егорче. Толком никто из них не ведал по-

дробностей, однако выходило так, что Пахом в одиночку да с похмелья ушел в лес, да так и не вернулся. Нашли уже после, спустя неделю. Ладно, хоть жил бобылем, горевать особо некому.

С тех пор Егорча вовсе отшельничал. Ни с кем из местных такой дружбы, как с Пахомом, он не водил. Встречался если только случайно. В мае, примерно раз в неделю, стрекотали в островье моторки. Местные приезжали на нерест щуки.

* * *

Генка Щукин вышел с поезда и огляделся. Раннее утро, заспанная станция. Никого. Оставалось еще километров восемьдесят пути. Придется выходить на дорогу и ловить попутку. Возможно, кто из лесовозов подберет. Раньше ходил рейсовый автобус, сперва ежедневно, это еще в Генкином детстве, потом всего пару раз в неделю. Четыре года не ездил Генка в деревню. С тех пор как умерли бабушка с дедушкой. Да и жизнь мегаполиса засосала, что называется.

Закинув на плечо сумку с нехитрым скарбом, Генка в последний раз оглянулся на уходящую вдаль нитку железной дороги, отсвечивающую в рассветных солнечных лучах, повернулся и зашагал к проселку. Если удачно попасть на попутку, то часа через два три он будет на месте.

Генка бежал. Бежал от того, что окончательно запутался. В первую очередь в себе. Не складывалась личная жизнь у

Генки уже который год. Последние полгода ругались со Светкой отчаянно. Поздние возвращения с работы, постоянные командировки, постоянная нехватка денег.

Генка не находил в себе сил объяснять, что для того, чтобы хоть что-то получить, надо сначала постараться. То ли Светка не хотела понимать, то ли действительно не понимала, но Генка каждый вечер слушал одно и то же про кучу успешных знакомых. Начинал срываться, кричал, чтобы нашла уже себе другого, поуспешнее, так сказать, и перестала его пилить. В общем, скандалы еще те.

А вчера Генка переполнился после очередной бессонной ночи с криками и швырянием посуды. Наскоро оформил недельный отпуск на работе, взял билеты на поезд и отправился прочь из города. В родные места далекого детства. План был таков: приехать неожиданно к троюродному дядьке, взять моторку и на острова, где когда-то рыбачили с дедом. Отдохнуть в тиши и забвении. Подумать.

Генка не прошел и двух километров по дороге в сторону деревни, как его, несмотря на раннее утро, нагнал уазик. «Летучка» из гаража леспромхоза. Везла запчасти из райцентра.

Выйдя возле дядькиного дома, Генка в первый раз за долгое время по-настоящему улыбнулся. Дядька сидел на крыльце с утренней папиросой.

– Племяш! Здорово! Какими судьбами?

– Да вот. Собрался, дядь. Давно не был.

– Давно, давно. Молодец племяш. Ну проходи, чаи гонять будем. Надолго ли?

– На недельку, дядь.

– И то хорошо.

Сидели у дядьки на кухне, пили чай из огромных кружек.

– Ты, Генка, могилки-то посети стариков своих. Помнишь, где лежат?

– Помню, дядь. Сегодня и отправлюсь. Моторку дашь мне? На острова хочу сгонять на несколько дней.

– Дам, конечно, какой разговор. Замотался поди совсем в своих городах? Вид нездоровый у тебя, Ген, честно говорю.

– Не то слово, дядь. За тишиной приехал. Устал, сил нет.

– Оно и видно. К завтраму соберем тебе все в лучшем виде. Поедешь хоть порыбачишь, как в стародавние времена с дедом. Я-то не могу, видишь, на неделе, работа, мать ее. Да и сам давно не ездил на острова-то. Поблизости сети кидаю.

– Спасибо, дядь.

– Места-то помнишь?

– Конечно.

– Ну, добро.

Генка выступил утром, как и планировал. Дядька собрал ему тушенки, картошки, заварки. Сети, удочки, мазь от комаров. С бани принес завернутую в плащ старенькую двустволку.

– На Медвежьем заночуешь?

– Ага. Изба там стоит еще? Обычно там с дедом ночевали.

– Стоит, полагаю, куда ей деться-то. Я, правда, и не знаю, кто из наших туда навевывается. Раньше вроде Пахом на тех островах промышлял, дак нет Пахома теперь. Так-то у него бы спросить как раз.

– Да ладно, разберусь, дядь. Места знакомые все же.

– Ну, давай. Когда обратно будешь?

– Денька через три-четыре вернусь.

– Добро.

На озере было спокойно. Легкая рябь. Утреннее солнце бликовало на воде, а Генка был счастлив. Так и мчал, крепко сжимая румпель мотора и улыбаясь. Вот и большое озеро позади. Впереди маячат очертания островов. Давно тут не был, ох, как давно. Генка сбавил ход, вошел в проливы, вспоминая про гряды и отмели, которые когда-то еще показывал дед. Петлял проливами к Медвежьему острову. Проверить избушку, пройтись по острову. Потом можно и удочку покидать. Ушицы сварганить. Красота.

Генка приглушил мотор метрах в пятидесяти от берега, притабанил на веслах, чтобы ненароком не наскочить винтом на прибрежный камень. Выскочил на мелководье, подтянул лодку. Вроде здесь должна быть изба. Чуток углубиться в чашу, а там и она, скрытая от постороннего глаза. Если не знать, то и с берега никак не увидеть. Подхватил с переднего сиденья ружьишко. Пойти проведать, а после за скарбом вернуться.

Избушка стояла. Надежно укрытая в окружении густола-

пых вековых елей. Однако, судя по всему, изба не пустовала. На теплой с ночи печке Генка обнаружил сковородку с жареной щукой, посуда на столе, чья-то теплая одежда, прочая утварь. Такое чувство, что в избе кто-то живет постоянно. Хотя, сколько себя помнил Генка, когда они раньше с дедом приезжали сюда с ночевкой, избушка была прибежищем немногочисленных рыбаков и охотников из местных. И то только тех, кто про нее ведал.

Странно. Генка осторожно открыл дверь, шагнул наружу и замер. Прямо в лицо ему смотрело дуло автомата.

* * *

Особое внимание Егорча уделял практике огня. Происходило это как раз на каменистом мысу вдали от избы. Вечерами, когда гладь озера зеркалом простиралась вдаль и бликовала в лучах закатного солнца. В такие моменты Егорча позволял себе ничего не делать некоторое время. Представлялось, словно внутреннее освобождается от любой заботы и от любой мысли. Освобождение достигало нужного, когда исчезало ощущение собственного тела. Словно не сидишь на плоском камне, нагретом за день солнечным теплом.

В таком состоянии Егорча начинал с острой четкостью ощущать, будто он невесомо парит над землей, над озером. И словно нет ни одной мысли, которая могла бы его отяготить или отвлечь. В такой момент Егорча протягивал руки

к бездымному пламени. Костер из сушняка он загодя разводил тут же, подле ног, на камне. По первости удавалось лишь чуть касаться быстрых языков пламени и то совсем ненадолго. Со временем практика позволила Егорче словно окунать руки в огнище. Жара не чувствовалась, скорее доброе тепло, дающее какую-то особую внутреннюю силу.

Сегодня Егорча возвращался с уткой. Снял ее с автомата одним выстрелом в протоках. Ощипать, осмолить, выпотрошить и на костер. Славное варево будет к обеду.

Стрекот пока еще далекой моторки Егорча слышал загодя. Благо день был тихий. Пока шел к избе, прислушивался. Мотор на средних оборотах приближался. Кто-то точно проливами, аккуратно пробирался к Егорчиному острову. Похоже, не из местных, если с опаской идет промеж частых каменных гряд, полого уходящих под воду с частых островных мысов.

Последний взгорок Егорча преодолел почти бегом, петляя чуть заметной тропой меж вековых светлых сосен. Так и есть. Сквозь деревья внизу моторка. Один человек в ней. И точно к приплеску, от которого, если ведать, до избы рукой подать сквозь прибрежное густолесье. Егорча перехватил автомат под правую руку и стал осторожно спускаться вниз, к заимке.

Точно, видать, не из местных. Мотор заглушил загодя, по мелководу на гребях, осторожно. Движения какие-то угловатые. Сразу видно, что не привыкший лодку затягивать, без

снооровки управляется. Все это Егорча наблюдал скрытно, укрываясь в прибрежном ельнике и отчего-то не торопясь выходить навстречу непрошеному гостю.

Вот он вразвалочку пошел точно к заимке, видно, что не в первый раз – ведает, где должна быть. Может, кто-либо из тех, что иной раз возвращаются в родную деревню навестить памятные места, связанные с воспоминаниями детства и юности.

Укрываясь в густом прибрежном ельнике, Егорча проследил за тем, как незнакомец, насвистывая, дошел до заимки. Стоял, оглядываясь, словно вспоминая что-то. Аккуратно открыл дверь, зашел. Звякнула посуда внутри.

«Это перебор», – подумал Егорча, осторожно подбираясь к самой избушке. Приезжий, не ведая обычая, нагло хозяйничал внутри, осматривая чужие вещи как свои после долгой отлучки. Неслышным скользящим шагом Егорча преодолел последние метры и остановился напротив двери. Как раз в тот момент как пришелец посунулся было наружу. Немая сцена длилась секунд пять.

– Кто такой? – спросил Егорча, не собираясь покуда опускать автомат.

– Я это. Генка я. Приехал вот. Места навестить.

– А почто хозяйствуешь?

– Дак это. С дедом ездили сюда. В детстве еще. Вот приехал. Отдохнуть.

Голос незваного гостя срывался, вздрагивал. Егорча вдруг

устыдился его столь явного страха. Опустив автомат, кивнул в сторону костровища:

– Ладно. Ты это. Пойдем, чаю попьем. Расскажешь, что к чему.

Егорча споро развел костерок, плеснул воды из ведра в закопченный чайник. Генка бросился было помогать.

– Сиди уж, ладно. Гость, будем считать, – улыбнулся в первый раз Егорча.

– Ладно, – Генка тоже несмело улыбнулся, присел на краешек скамьи подле стола, возле костровища.

– Сам-то откуда? – спросил Егорча после минутного молчания, глядя на разгорающиеся язычки пламени под чайником.

– Дак с Москвы. По отцу-то родня отсюда, с деревни. Вот, мелким был, в гости к деду возили летом в эти места. Рыбалили вместе. На эту избу как раз, бывало, заезжали ночевать.

– А сейчас что? Детство вспомнить приехал. Отпуск поди?

– Да, типа того вроде. Сбежал, знаешь. Дядька у меня тут остался в деревне. К нему приехал, моторку взял и на острова.

– От чего бежал-то? – спросил Егорча, чувствуя, как поднимаются откуда-то из памяти его собственные воспоминания двухлетней давности.

– Да устал, знаешь, от сложностей. Не ладится в городе последнее время. С женой опять же нелады. По работе. В

смысле из-за работы пилит. Устал.

– Бабы, бабы. Одно и то же, по сути. Меня, кстати, Егорчей кличут.

– Давно ты здесь?

– Три года. Четвертый скоро пойдет. Отшельничаю.

– Ого.

– Да. Свои причины.

– Ясно, Егорча. Ты прости, что я уж так. Нарушил покой, что ли. Не знал.

– Да ладно.

– Дядька говорил, Пахом вроде последние годы за избой присматривал.

– Шатун задрал Пахома по весне. Помогал он мне. Хороший мужик был.

– Хороший, ага.

Сидели, потягивали чай из алюминиевых кружек, прихватив через рукава. Генка рассказывал о себе. Рассказывал взахлеб, будто найдя отдушину, чтоб выговориться. Егорча слушал, не перебивая, попутно вспоминая себя. В чем-то они были, конечно, очень схожи с Генкой.

– Слушай, Егорча, а откуда автомат у тебя?

– Дезертиров нашел как-то. По осени. В прошлом году.

Частей-то много погранцовых вокруг.

– И что? Отобрал, что ли? Или выменял?

– Да не. То ли самострелы, то ли друг друга. Непонятно было.

– Ничего себе. Я-то, конечно, реально пересрался, как ты меня встретил.

– Ладно. Давай утку сготовим, поедим. Сколько будешь?

– Да я, Егорча, думал дня три-четыре.

– Добро. К вечеру сети проставим. На яму окуневую можно будет сходить на донки. За мысом гряда как раз. На-тягаем на печево. Давно не рыбачил-то?

– Пять лет назад последний раз здесь был.

– Ну вот. Подкинь пока дровишек в костер. Утку осмолить надо будет.

– Ага.

Егорча привычно оципал утку, укрепил на рогатине. Генка сидел рядом. Утка шипела на огне.

– Ген, возьми ведро, воды наберем. Я пока дичину выпотрошу. Да картошки захвати заодно. В корзине, в сенях слева. Почистим на вареве.

Дошли до побережья. Генка уселся чистить картоху. Егорча пока вычистил требуху, промыл утку.

Освежили костер. Бездымные языки пламени лизали дно закопченного котелка. Уже вечерело. Егорча время от времени снимал ложкой накипь от варева по краям котелка. Генка, казалось, совсем впал в нирвану. Сидел с отсутствующей улыбкой, вдыхал жадно носом.

«Ослабило парня», – думал Егорча, искоса поглядывая.

– Сейчас, пока поедим, миски ошкурим песком. Сети рядом проставим, по грядам. На сига, пожалуй, да на лосося,

мало ли. Мелочевку с плотвы да корби не будем брать. А то чистить устанем наутро, да и промыслу не время.

– Хорошо, Егорча.

– После как раз на яму окуневую встанем с тобой. Тут рядом, на гребях. Натягаем лаптей на печево.

– Меня, Егорча, дядька ведь тоже сетями снабдил.

– Оставь пока. Моими обойдемся. Напоследок проставим все. Дядьке рыбы завезешь, себе заберешь. В дорогу-то. А то и, глядишь, коль удачно будет, красной тебе засолим.

К вечеру вышли на гряду. Закинули донки. С большого озера ощутимо тянуло предночной прохладой. Яма на то и яма, что хороший окунь берет разом. Попеременно вытягивали лаптей с донки. Егорча только усмехался детской радости Генкиной.

– Ты резко подсекай, Ген. Чуть дернуло в первый раз, уже считай, заглотил. Тяни сразу. Окунь-лапоть, это тебе не мелочь какая. Коли заглотил, так не отпустит уже. Не как плотва, поди, мусолит червя. Сразу до брюха крючок засаживает себе.

– Хорошо-то как, Егорча.

– Знамо дело.

– Слушай, Егорча. Спросить хочу вот все. А как вышло, что ты тут оказался? Если удобно, конечно. Рассказать.

– Да что ж неудобного, Ген. Рассказать-то можно.

Егорча поддернул донку. Солнце уже осело за изломанную линию елей на той стороне озера.

– Расскажу, Ген.

Сидели далеко за полночь. Пламя бездымного, на сушняке, костра освещало неровными всполохами лица Генки и Егорчи, бликовало желтым на стволах стоящих вокруг сосен. Генка внимательно слушал, а Егорча, рассказывая, как он оказался на острове, словно окунался в себя давным-давно забытого. Казалось, все произошедшее было не с ним, а совсем с другим Егорчей.

На следующий день встали с донками на гряде. Гряда – «коро» по-карельски. Тягали темнобоких окуней.

– То есть ты, можно сказать, только здесь и нашел себя, да, Егорча?

– Видимо так, Ген. Это ты со вчера, что ли, переваривал все это время наш разговор? – усмехнулся Егорча.

– Да. Как-то, знаешь, параллели некоторые есть в наших историях. У меня, конечно, не такой треш, как у тебя, но потенциал есть. – Здесь уже заржали оба.

На исходе четвертого дня, как и договаривались, проставили все сети.

– Завтра обратно, – вздохнул Генка.

– Отдохнул?

– Ну, вроде.

– Вот этим и живи. А не вздохами. Настоящим живи.

– Это верно.

– Ну вот. А ты себя обратно тянешь. В проблемы свои. Живи тем, что кончились они. А там и новые подтянутся. –

Егорча усмехнулся, взглянул на Генку.

– Прав ты, Егорча. Дровишек подкинуть?

– Кидай.

Наутро Егорча с Генкой сняли богатый улов сетями и попрощались.

– Ну, Егорча, коль будешь в Москве, то номер свой я тебе оставил.

– Добро. Удачи тебе, Ген.

– Ага. Спасибо. За разговор спасибо. Помог ты мне, Егорча. Очень помог.

– Бывай.

Егорча долго стоял на берегу, слушая стрекот удаляющейся Генкиной моторки. Волны лениво плескались о прибрежный песок.

Глава 4

Лесные люди

Опасно осеннее озеро. В первую очередь стремительной переменной погоды. Еще с утра может отливает серой свинцовой гладью в лучах скупого на тепло солнца, а к обеду уже разгоняет колючий сиверко свирепую волну, быстро обрастающую беснующимися барашками пены на гребнях. Да и волна по осени, особенно в октябре, совсем не та, что в пору скоротечных июльских грозových штормов. Крутобокая, частая, резкая, бьет нещадно в скулу моторки, окатывает леденящими брызгами.

Совсем скоро, к середине ноября, стянет озеро первым прозрачным льдом. Сперва у заберегов ломкой хрустящей кромкой. С первыми снегопадами начнет морозно застилать озеро все дальше. Недели три следует выждать, пока надежно затянет проливы в междуостровье темным льдом, что выдержит человека.

В последние недели перед ледоставом Егорча привычно промышлял сижком. Идет сижок на нерест в самую неудобную для рыбака пору. Осенний день короткий. Чуть рассвело, уже торопится небосвод засереть стылыми вечерними сумерками. В укромных загубинах да в проливах ставит Егорча частые сетки. Частые это с мелкой ячеей. Двадцать на двадцать, в миллиметрах если. Набьет за ночь в сеть промысло-

вого карельского сига. Сплошной трепыхающейся серебряистой стеной идет тяжелая сеть из стылой воды. Немеют пальцы на ветру.

Половину сети принимает Егорча на левую руку, после перевалить бочкой в лодку, нанизать на палку и вторую половину вытягивать, коченея нещадно, без права на отдых. Потому что вертит лодку на ветру, так и норовит крутануть вокруг сетки. Нельзя допустить. Зацепится сетка за винт мотора, пока выпутаешь, пуще закрутит, приходится рвать нещадно. А сети на вес золота у Егорчи.

Только успел сети поднять, скорей на берег, спешно снимать рыбу, чистить, мыть да в засол в деревянную кадушку, перемежая добротной солью слой за слоем. Опять же воды не нагреешь, промысловый лов он весь по холоду. Сполоснул сети, перебрал спутанные кольца на вешалах, до скорого вечера все равно не успеют просохнуть на промозглом осеннем ветру. Только-только хватит времени сварганить уху на костровище в котелке, а там уже поспешай заново ставить сетевую, пока совсем не стемнело. И так день за днем две, а то и три недели подряд. Потом будет отдых Егорче, пока схватывает озеро ледоставом.

Уже в привычном порядке сделал Егорча последние ходки за припасом на долгую зиму. Десять километров гари по озеру до ближайшей деревни. Перекупить у местных топлива в канистры, запастись необходимым припасом. Соль, спички, чай, консервы, мыло, картофель, крупы, кой-чего из одежды,

свечи, патроны.

В этом году, под конец лета Егорча справил новый навес к избе под дровяник. С южной стороны приладил остов из жердей, укрыл густо еловым лапником сверху, оставив доступные ветрам боковины. В первую зиму, помнится, натерпелся дровами, кидаясь с утра на заготовку сухостоин. Свалить, нарубить, перетаскать. Было дело. Теперь времена иные, ученые горьким спешным опытом. Дровяной запас на зиму Егорча привычно клал за летние месяцы. Жаркая береза, пахучая смолистая сосна. Береста на быструю растопку печи.

Минувшим летом начала заваливаться труба. Крепил распорками, опасно прилаживая свежеструганные лесины на крыше.

В этом году сижковый нерест шел на славу уже третью неделю кряду. Почти полна вторая кадушка. Добро. До весны хватит.

Сегодня Егорча готовил зимнее стойбище для моторки. Вскоре уже вытянуть лодку на берег, укрыть привычно за корневищем заваленной ветродуем вековой ели. По каткам, упирая рычагом-лесиной под корму, шаг за шагом. Далее привалить загодя запасенным лапником, мотор в избу, под нары, и до следующей весны.

Вечером Егорча сидел подле избы, у костровища, пек оконей на жарких, полыхающих алым углях. Отчего-то вспоминались былые вечера. Городские.

Как правило, офис стремительно пустел сразу после шести. Коллеги разбегались по своим делам, кто куда. А для Егора наступало привычное и ежедневное. Две минуты ходьбы до ближайшего магазина. Восемь банок пива в пакет.

Сегодня все точно так же. Егор бросил напоследок взгляд в опостылевший монитор. Два отчета, которые должны были быть готовы к сегодняшнему вечеру, плавно перетекли дедлайном на завтрашнее утро. Можно было бы, конечно, затарившись пивком, сымитировать активную трудовую деятельность и посидеть в офисе, бесцельно втыкая в разное видео. Но соседний отдел задерживается по причине ежемесячной отчетности, и поэтому палиться не следует. Путь один – бесцельно шататься по улице до достижения ежевечерней кондиции.

В последнее время Егор уже не пил пиво, а попросту заливал его в себя. Первая банка целиком в один глоток, вторая в три захода. Привычное тепло разливалось внутри с каждым жадным глотком.

– Здравствуйте, вам как обычно?

– Да, восемь штукек, пожалуйста. В ваш пакет.

День был тяжелый. Егор оформлял три контракта, после пытался было перейти к отчетам, но жажда ежевечернего погружения в анонимно-одинокый алкоголизм превозмогла.

В последнее время Егор почему-то избегал даже традиционных пятничных посиделок в баре с коллегами. Рутинные, навевшие оскомину разговоры о работе, о личном. Ну их всех.

Егор даже втихомолку посмеивался сам над собой, не придавая значения прогрессирующей пивной патологии. Кстати, брал только «Туборг». То ли из-за изрядно спиртового состава, то ли еще почему. Другие марки почти не пьянили, а вот уже с пары «Туборга», причем именно в жести, привычно и ожидаемо орошало. А дальше по накатанной. Бывало, доходило и до десяти-двенадцати банок за вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.